

ЭТНО МЕТОДОЛОГИЯ

*проблемы
подходы
концепции*

11

RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

Ethnomethodology: **problems, approaches, concepts**

Volume 11

Moscow 2005

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ НИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Этнoметoдoлoгия: прoблeмы, пoдxoды, кoнцeпции

Выпуск 11

Москва 2005

Редакторы-составители *А.А.Пископелъ*
В.Р.Рокитянский
Л.П.Щедровицкий

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 11
Сборник статей – М., 2005. – 168 с.

ISBN 5-86443-121-4

В одиннадцатом выпуске сборника «Этнометодология» продолжается дискурс вокруг проблем этнической идентичности, анализируются институты и практики воспроизводства этничности, связи этнического и культурного, национального и цивилизационного начал социальной жизни; обсуждаются проблемы антропологического измерения культуры, смысл культуронаследнической деятельности по отношению к действительностям традиций и традиционности.

Содержание Contents

От редакторов-составителей Editors' Foreword	6
<i>О.И.Генисаретский. Антропология как практико-методологическая дисциплина</i> <i>O.I.Genissaretsky. Anthropology as a practico-methodological discipline</i>	10
<i>А.А.Пископнель. Культурнонаследническая деятельность и проблемы ее «объекта»</i> <i>A.A.Piskoppel. Cultural Heritage Activity and problems of its "object"</i>	74
<i>А.А.Пископнель. Нация и этнос в диалоге культуры с цивилизацией</i> <i>A.A.Piskoppel. Nation and ethnos in the dialogue between culture and civilisation</i>	92
<i>В.Р.Рокитянский. Энергетика знака</i> <i>V.R.Rokitiansky. Energy of sign</i>	107
<i>С.В.Соколовский. Институты и практики производства и воспроизводства этничности</i> <i>S.V.Sokolovski. Institutions and practices of ethnicity construction</i>	144

От редакторов-составителей

В одиннадцатом выпуске «Этнометодологии» наряду с направлениями и проблемно-тематическими областями социо-культурных исследований, ставших уже традиционными для этой серии, более широко представлена тема культурного наследия и культурно-наследнической деятельности.

При этом авторы публикуемых статей сосредоточили свое внимание не на эмпирическом материале, а на совершенствовании концептуального аппарата, на обсуждении таких базовых понятий, как культура, наследство и наследие, трансляция, знаковая деятельность.

Подобная методологическая рефлексия имеет не только сугубо научно-теоретический смысл, но и является необходимой предпосылкой выработки общей культурной политики и обеспечивающих ее программ реализации, способных координировать усилия в этой области деятельности и создать действенные формы институциональной и организационной кооперации.

Сборник открывается публикацией текста «**Антропология как практико-методологическая дисциплина**», представляющего собой запись доклада **О.И.Генисаретского** на семинаре Московского методологического кружка и его обсуждения, в котором участвуют Г.П.Щедровицкий и другие члены ММК. В докладе вводится понятие об основном культурном процессе, характеризующемся естественностью трансляции культуры и ее социетальной реализации, типология различных каналов трансляции, представление о естественных основах этих каналов. В качестве центрального предмета обсуждения избирается тот канал трансляции, где основой является человек в качестве живой системы, что позволяет докладчику ввести в рассмотрение такие понятия, как личность и сознание, осуществляя тем

Editors' Foreword

In the 11th issue of "Ethnomethodology" besides the traditional for the series subject areas the subject of cultural heritage and cultural heritage activity is more extensively presented.

The authors of the texts published have concentrated their attention not on the empirical material but on development of conceptual apparatus, on discussing such basic concepts as culture, legacy (*nasledstvo*) and heritage (*naslediye*), transmission of culture.

Such a methodological reflexion possesses not only theoretical significance but also comes to be a necessary prerequisite for development of a general cultural policy and of realisation programs thereof which would serve to co-ordinate efforts in this activity area and create effective forms of institutional and organizational cooperation.

The book opens with a text "**Anthropology as a practico-methodological discipline**" which is a record of a report by **O.I.Genissaretsky** at the session of the Moscow Methodological Circle and of a discussion thereof with G.P.Schedrovitsky and other Circle members as participants. A concept of the basic cultural process characterised with natural mode of culture transmission and societal realisation, typology of various transmission channels, a concept of natural substrata of these channels are introduced. The central subject of investigation is the transmission channel where the man as a living system is a substratum. Such an approach makes it possible to consider such concepts as personality and consciousness thereby "equipping metho-

самым «антропологическое оспособление методологии».

В работе А.А.Пископела «Культурнонаследническая деятельность и проблемы ее «объекта»» обсуждаются связи и различия содержаний концептов «наследство», «наследие», «культурное наследие» и т.п. с позиций СМД-подхода к социокультурным явлениям. Обосновывается возможность и продуктивность использование в качестве системообразующего понятия, для упорядочивания отношений между ними, понятия «наследнической деятельности». Анализируются эмпирические и теоретические условия организации культурного наследия в качестве сферы деятельности. Обсуждаются основания и возможности теоретической концепции «культурного ландшафта» в деле разработки специфической единицы и целостного объекта наследнической деятельности.

В его же статье «Нация и этнос в диалоге культуры с цивилизацией» анализируются попытки различения понятий этнос и нации, на основе противопоставления культуры и цивилизации. Демонстрируется, что этнически фундированное, продуктивно-смысловое понятие культуры ориентировано на инволюционный (в лучшем случае циркулярный) механизм социальных изменений, а не на механизм общественного развития. Показывается, что противопоставление естественного и природосообразного этноса искусственно сконструированной нации не принимает во внимание различия между, с одной стороны, «быть естественным» и «переживать как естественное», а с другой, «естественным» и «оестественным». Другими словами – оправдано лишь в рамках натуралистического подхода к социокультурным явлениям. Обосновывается, что с точки зрения функционально-репродуктивного понятия культуры го-

dology with anthropological instruments”.

In the A.A.Piskoppel's article “Cultural Heritage Activity and problems of its ‘object’” links and differences between such concepts as “legacy”, “heritage”, “cultural heritage” etc. are discussed using the ThinkActivity System approach to socio-cultural phenomena. The possibility and efficiency of such a concept as “heritage activity” as a system-making concept being used to order and organize relations between other concepts. Empirical and theoretical conditions for organizing of cultural heritage as a sphere of activity are analyzed. A concept of “cultural lanscape” and the possibility of using it in developing a specific unit and an integral object for heritage activity is discussed.

“Nation and ethnos in the dialogue between culture and civilisation” by the same author contains an analysis of attempts to distinguish the concepts of ethnos and nation on the basis of opposing culture to civilisation. It is shown that the ethnically based, meaning-producing concept of culture is oriented to the involutinal (at best circular) mechanism of social change, not to the social development mechanism. It is shown also that an opposition of an ethnos as natural and living in harmony with nature to an artificially constructed nation does not take into account the difference between ‘being natural’ and ‘expe-rience as natural’ on one side and of ‘natural’ and ‘naturalised’ on the other side. In other words this opposition is valid only within the naturalistic approach to socio-cultural

раздо более осмысленным являются соотношения «этнос-миф» и «нация-история», а не соотношения «этнос-культура» и «нация-цивилизация».

В статье **В.Р.Рокитянского «Энергетика знака»** вопрос о знаке и речи (в самом широком понимании) рассматривается в контексте оппозиции номинализма и реализма, которая, в понимании автора, далеко выходит за рамки средневекового философского спора и представляет собой фундаментальное разделение и в истории культуры, и в самом сознании человека. Для того чтобы прийти к главному выводу о возможности преодоления полуправд номинализма и реализма в «трансцендентном номинализме», или «тестаментарном реализме», потребовалось последовательное и сопряженное движение в таких культурно удаленных друг от друга областях, как поэтика, физика и богословие. Работа не является вполне законченной, но в целях обзорности замысла в целом в публикацию включено конспективное изложение последнего, недописанного раздела.

Автор статьи **«Институты и практики производства и воспроизводства этничности» С.В.Соколовский** исходит из наблюдения, что социальный конструктивизм в России, если рассматривать его в приложении к исследованиям многообразных проявлений этнического, даже в своих лучших образцах никогда не был последовательным. Предлагаемый им очерк сложившихся в российском обществе институтов производства и воспроизводства этничности рассматривается как шаг для преодоления отмеченного недостатка. Органическое, натуралистическое понимание этнической реальности, овеществление этнических групп и наций, вообще характерное

phenomena. The author argues that if a functional-reproductive concept of culture is used it is much more reasonable to correlate 'ehnos-myth' and 'nation-hystory' than 'ethnos-culture' and 'nation-civilisation'".

In the article **“Energy of sign” by V.R.Rokitiatsky** the topic of sign and speech (in the most broad sense) is considered in the context of the opposition between nominalism and realism which, as the author understands it, comes to have much broader significance than the middle-age philosophical controversy that gave it the name being a fundamental split in the history of culture and in the human consciousness as such. To arrive to the main conclusion that the half-truths of nominalism and realism could be overcome in the 'transcendent nominalism' or 'testamentary realism' it was necessary to consider such culturally distant subjects as poetics, physics and theology. The study is not finished but to make the project as a whole visible a short exposition of the last, unready chapter is included.

S.V.Sokolovski in **“Institutions and practices of ethnicity construction”** states that social constructivism among Russian anthropologists, studying ethnicity, remains a relatively new and inconsistent approach, the source of its weakness being the current lack of substantive analysis of the institutions and practices underlying the social reality construction. Most of the Russian anthropologists adhered initially to some version of basically Marxist and primordialist approach to the study of ethnic phenomena. In Soviet ethno-logy this approach was exemplified by the studies of 'ethnogenesis', ethnic history, ethnic demography and geography etc. The naturalistic and organicist ideology in the treatment of ethnic phenomena had been

для романтических и неоромантических построений, сыграло свою роль в дальнейшей эволюции «национальной» политики и институализации различных областей исследования в рамках отечественной этнографии. Доминировавший в отечественной этнографии марксистский подход привел к преобладанию эволюционных трактовок социальной реальности, с их упором на изучении происхождения и формы (вечного и меняющегося в изучаемых «вещах» и «организмах»), то есть, применительно к этнографии — сосредоточению на этногенезе, этнической истории, этнической демографии и картографии, истории материальной культуры и т.п. Наиболее интенсивное создание и внедрение институтов, обеспечивающих воспроизводство этничности и индоктринацию натуралистических взглядов на этническую идентичность отмечается в ранний период советской власти, в 1920-30-е гг. В статье подробно рассматриваются тесно взаимосвязанные механизмы государственной институализации этничности, включающие письменную фиксацию этнической принадлежности и ее отражение в паспорте и других документах (актах гражданской регистрации и анкетах переписного учета); конституирование особой сферы внутренней политики, именуемой «национальная политика»; так называемый «этнофедерализм» в административном устройстве страны, предполагавший создание национальных политических элит; систему специальных мер и учреждений в областях образования, языка и культуры, возникновение особого корпуса правовых норм, юридических закрепляющих многие из принципов и положений провозглашаемой национальной политики; институализацию научных дисциплин, областей и направлений исследования, поставляющих требуемые для государственного управления знания и концептуализации и т.п.

scrupulously institutionalized by the early 1930s through the establishment of such practices as the obligatory identification of all citizens according to ethnic affiliation in personal documents including internal passports, the country's administrative structure with a third of its units based on 'ethnic homelands', indigenization of local elites, special legislation for minority and indigenous peoples with associated privileges in the system of school and higher education, and related academic knowledge domains providing information for various administrative bodies responsible for nationalities policy.

Таблица 1
Хронология образования автономий (областей и республик)

<i>АССР, АО</i>	<i>Время образования</i>	<i>Примечания</i>
Башкирская АССР	03.1919	—
Татарская АССР	05.1920	—
Карельская АО	06.1920	06.1923 АССР
Калмыцкая АО	11.1920	10.1935 АССР
Марийская АО	11.1920	12.1936 АССР
Удмуртская АО	11.1920	12.1934 АССР
Дагестанская АССР	01.1921	—
Абхазская АССР	03.1921	—
Аджарская АССР	06.1921	—
Коми АО	08.1921	12.1936 АССР
Бурят-Монгольская АО	01.1922	05.1923 АССР > 07.1958 Бурятская АССР
Кабардино-Балкарская АО	01.1922	12.1936 АССР
Карачаево-Черкесская АО	01.1922	—
Якутская АССР	04.1922	—
Юго-Осетинская АО	04.1922	—
Адыгейская АО	06.1922	—
Горно-Алтайская АО	06.1922	—
Чеченская АО	11.1922	12.1936 Чечено-Ингушская АССР
Нахичеванская АО	06.1923	02.1924 АССР
Нагорно-Карабахская АО	07.1923	—
Северо-Осетинская АО	07.1924	12.1936 АССР
Ингушская АО	07.1924	12.1936 Чечено-Ингушская АССР
Горно-Бадахшанская АО	01.1925	—
Чувашская АССР	04.1925	—
Каракалпакская	05.1925	03.1932 АССР
Мордовская АО	01.1930	12.1934 АССР
Хакасская АО	10.1930	—
Еврейская АО	05.1934	—
Чечено-Ингушская АССР	12.1936	—
Тувинская АО	10.1944	10.1961 АССР

Коренизация (индигенизация) была задумана большевиками как средство борьбы с национализмом в качестве политики, символизирующей разрыв с колониальной практикой царского правительства. Она была направлена на создание национальных элит, развитие их языков и культур. Эта политика опиралась на две взаимосвязанных, но различающихся по содержанию идеологии (два различных дискурса) – идеологию деколонизации (борьбу с так называемыми «великодержавным шовинизмом» и «русопиятством») и идеологию борьбы с «отсталостью» (т.н. «культурной отсталостью народов Востока»).

В.И. Ленин еще до революции отказался от идеи «слияния отдельных наций в одно целое», поскольку она была непопулярной среди нерусских народов. Эсеровская идея федерализации, принятая под давлением обстоятельств большевиками, предполагала организацию союза народов, равных в политическом и культурном отношении. Такому равенству мешали, однако, резкие диспропорции между уровнями экономического развития различных регионов, с одной стороны, и значительные различия между уровнями грамотности у так называемых «западных» и «восточных» национальностей, с другой. Теория отсталости была тесно связана с марксистской идеологией социальной эволюции и развития: большевики полагали, что существует единый путь развития для всех народов, а те, в свою очередь, оказались, в силу исторических обстоятельств, на разных отрезках этого пути, поэтому «отставшие» нуждались в помощи со стороны «развитых». Критерии отсталости и развитости оказались связанными со своеобразной версией ориентализма, в которой отсталыми стали т.н. «народы Востока». Впрочем, сама граница между «восточными» и «западными» национальностями была произвольной, ситуативной, и многократно оспаривалась со стороны «объектов» этого классификационного режима, причем с неожиданной стороны: представители элит отдельных народов хотели, чтобы их народы считались более отсталыми. Причиной такого «соревнования» за большую степень отсталости была борьба за государственные дотации – так называемый «культурный фонд», созданный специально для помощи республикам и автономным областям. В итоге, после длительной борьбы граница между «западными» и «восточными» национальностями была определена на основе доли грамотных среди различных национальностей (Таблица 2), но один этот критерий оказался недостаточным в качестве основы для такой классификации, и в отдельных случаях грузин и армян относили к группе «восточных национальностей», указывая на распространенность среди них «феодалных обычаев».

«Восточные национальности» эффективно использовали риторику дискурса борьбы с отсталостью для привлечения дополнительных ассигнований из центра. В связи с рассматриваемой здесь темой важно отметить, что этническая идентичность здесь использовалась инструментально и, одновременно, оформлялась и видоизменялась под действием практических соображений и экономических нужд. В некоторых случаях можно прямо утверждать, что коренизация была не просто инструментом в борьбе титульных элит за ресурсы, но и инструментом создания не только самих национальных элит, но и наций в целом. Например, созданные из конгломерата племен узбеки, полу-

чали дополнительный и существенный стимул быть именно узбеками (а не кыпчаками, или чагатаями) из-за проводимой центром политики узбекизации управленческого аппарата.

Таблица 2

Уровень грамотности по национальностям, 1926*

Западные национальности (%)		Восточные национальности (%)			
латыши	78,1	татары	33,6	ингуши	9,1
эстонцы	72,4	чуваши	32,2	азербайджанцы	8,1
евреи	72,3	марийцы	26,6	аджарцы	7,8
литовцы	70,5	удмурты	25,6	казахи	7,1
немцы	61,2	башкиры	24,3	кабардинцы	6,8
поляки	53,8	буряты	23,2	балкарцы	5,3
русские	45,0	мордва	22,9	киргизы	4,6
украинцы	41,3	осетины	21,2	узбеки	3,8
грузины	39,5	черкесы	16,9	чеченцы	2,9
белорусы	37,3	абхазы	11,3	туркмены	2,3
армяне	34,0	калмыки	10,9	таджики	2,2
		карачаевцы	9,2	каракалпаки	1,3

Изначально целью коренизации был перевод части делопроизводства на местные языки для обслуживания нерусского населения, однако такой перевод требовал наличия грамотных управленцев из среды местного населения, либо изучения местного языка русскими, занимавшими управленческие должности. И то и другое требовало времени и значительных финансовых ресурсов. В итоге первый этап коренизации стал развиваться со значительными отклонениями от исходного плана: вместо программ обучения местным языкам и курсов повышения квалификации для местных кадров практиковалось механическое замещение русских служащих малоквалифицированными и плохо обученными «националами». Этот этап получил наименование «механической коренизации». Он продолжался более трех лет – с 1923 по 1926 гг. Если до реализации этой политики национальность оставалась частным делом (напомним, что для значительной части населения эта категория вообще не была известна, а навязывание этнической идентичности в ходе паспортизации началось позднее), то с ее началом этничность превращалась в индивидуальный ресурс и стала важным фактором в жизненных стратегиях большого числа людей.

Механическая коренизация приводила, однако, к недовольству со стороны увольняемых «нетитульной» национальности и порождала этнические конфликты. Для партийной власти она также начинала приобретать негативный характер, поскольку неквалифицированные представители коренной элиты, занимавшие управленческие места, часто оказывались под влиянием ква-

* Национальная политика ВКП (б) в цифрах. М., 1930. С. 271-272.

лифицированных беспартийных специалистов, так что управление на деле осуществлялось не коммунистами «коренной национальности», а беспартийными «спецами». Это было в особенности типично для Узбекистана, где уровень грамотности среди представителей коренного населения был крайне низким¹⁵. Дополнительным источником беспокойства для партийных чиновников стало появление в республиках национальных фракций внутри партии и их соперничество. Приходило и осознание факта, что коренизация становится источником этнической напряженности, конфликтов и питает национализм.

В мае 1926 г. И.В. Сталин заместил Секретаря крайкома в Казахстане К.С. Ходжанова Ф.И. Голощекиным, который тут же приступил к разработке новой политики, получившей наименование «функциональной коренизации». Квотное представительство титульных национальностей в органах управления было заменено номенклатурными списками с указанием конкретных должностей, которые считались ключевыми для перевода делопроизводства на казахский язык и обслуживания местного населения; критерием отбора на должность была объявлена языковая компетенция, а не этническая принадлежность, что теоретически позволяла занимать номенклатурные должности и неказахам; практикантство (принятие местных кадров на длительное время и полную зарплату в качестве помощников специалистам) было заменено специализированными краткосрочными курсами; вместо местной комиссии по коренизации руководство этой деятельностью было передано Рабкрину. Реформа Голощекина была лично одобрена Сталиным и довольно быстро, в течение двух лет (1926-27 гг.), была распространена на другие «восточные» республики.

Языковая и образовательная политика как механизмы воспроизводства этнической идентичности. Темпы и размах коренизации, однако, существенно ограничивался уровнем грамотности коренного населения. В этой связи понятно внимание, уделяемое в 1920-30-е гг. программам борьбы с неграмотностью, алфавитизации бесписьменных¹⁶ и адаптации алфавитов младописьменных языков, обучению на местных языках и образованию для представителей титульных национальностей, в особенности «отсталых» (ср. Табл. 3). Все эти программы, увязывая этническую идентичность с жизненными стратегиями населения, превращали ее, наряду с сословно-классовой, в ведущую не только в области взаимодействия государства с населением, но и в более приватной сфере жизнеобеспечения (личная карьера, поиск средств существования и т.п.).

В сфере политики образования Наркомпрос¹⁷ установил специальные квоты (особенно характерные для периода с 1924 по 1932 гг., но в ряде случаев действовавшие вплоть до 1991 г., а в отношении народов из категории «ма-

¹⁵ Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell UP, 2001. P. 141-142.

¹⁶ Помимо алфавитизации и реалфавитизации языков «титульных национальностей» в период 1920-30-х гг. было создано около 30 алфавитов для бесписьменных языков малочисленных народов.

¹⁷ Уже в октябре 1918 г. в Наркомпросе был создан специальный отдел школ с обучением на языках национальных меньшинств (Декрет о школах национальных меньшинств от 31.10.1918 // Народное образование в СССР, 1917-1973. Сб. документов. М.: Педагогика, 1973. С. 145).

Хронология алфавитизации и перевода письменности на латиницу и кириллицу государственных и титульных языков РФ

Язык	Создание первого алфавита	Создание алфавита на основе кириллицы	Введение алфавита на основе латиницы	Повторное введение алфавита на основе кириллицы
Аварский	XIV в. арабское письмо; XVIII в. адаптация арабики для передачи звуков аджарского (аджам); использовалось до 1928 г.	1865 (автор – П.К. Услар)	1928	1938
Адыгейский	1918 арабское письмо	-	1937	1938
Алтайский	1830-е гг.	1830-е гг.	1931	1938 (уточнен в 1944)
Башкирский	XIV в. арабское письмо; 1919 модернизация алфавита для приближения к фонетической системе башкирского	-	1928	1940
Бурятский	XIII в. старописьменное монгольское письмо	-	1931	1939
Даргинский	1917 г. арабское письмо (первая запись датируется 1493 г.)	-	1928	1938
Ингушский	1920 латиница (автор З.К. Мальсагов)	-	-	1938
Кабардинский	1916 г. на арабской основе	1829 г. (автор И Грацилевский); повторно 1865 (автор Кази Атажукин)	1923	1936

Калмыцкий	До середины XVII в. уйгуро-монгольское письмо; в 1648 г. модернизированный алфавит (автор Зая-Пандит)	1924	1930	1938
Карачаево-балкарский	1880-е гг. (С.-А. Урусбиев; И. Хубиев на основе русской графики; и. Тебердичи – на основе латиницы); 1905 – на основе арабской графики	1924-25 гг. (балкарский алфавит)	1920-24 гг. (карачаевский алфавит У.Д.Алиева); 1926 – единый карачаевско-балкарский алфавит	1937-38 гг.
Карельский	1921-37 гг. (школьное обучение на основе финского языка)		1987	1937
Коми (коми-зырянский)	XIV в. (Стефан Пермский на основе греческого и славянского письма); XVIII в. новый алфавит на основе славяно-русской графики	1920-30-е гг. (алфавит В.А.Молодцова)	1932-35	1936-1938 (алфавит В.А. Молодцова); 1939 – новый алфавит
Коми-пермяцкий		1920-е гг. (алфавит В.А.Молодцова)	1937	1938
Кумыкский	Начало XVI в. на основе арабской графики; 1920-28 (реформированный арабский алфавит – «новый аджам»)		1928	1938
Лакский	XIV- XV вв. на основе арабской графики		1928	1938
Лезгинский	VII- VIII вв. древнеалбанский алфавит; IX- XX вв. на основе арабской графики		1928	1938
Марийский (горный и лугово-восточный)	1555 (архиепископ Гурий на основе кириллицы); 1907-13 гг. реформированный алфавит на основе кириллицы		1930-32 г.	1938

Мордовские (эрзянский и мокшанский)	XVIII в.			
Ногайский			1928	1938 (усовершенствован в 1944 и 1950 гг.)
Осетинский	VI- VII вв. (на греческой основе); XVIII в. на основе грузинской графики и кириллицы		1923	1938 (в Южной Осетии 1938-1954 на основе грузинской графики)
Русский	Начало X в. на основе кириллицы	X в. устав; XIV в. полуустав; 1708 г. гражданский шрифт		1918 г. реформированный алфавит
Табасаранский	1932 на основе латиницы			1938
Татарский	VII-X вв. руническое письмо; XI- XV вв. на основе арабской графики		1927	1939 (1999 закон РТ о восстановлении латинской графики)
Тувинский	Старописьменный монгольский до 1930 г.		1930	1941
Удмуртский	1889 на основе кириллицы	1920-е гг. модернизация алфавита на основе кириллицы		
Хакасский	1924 на основе кириллицы		1929	1939
Чеченский	До 1925 г. попытки создания алфавита на арабской основе		1925	1938
Чувашский	Вторая половина XVIII в. на основе русской графики	1870-е гг. (реформа алфавита Т.Я.Яковлева и Н.И.Ильминского)		
Якутский	X-XI вв. орхонское руническое письмо	1819-21 гг. кириллический алфавит Г. Попова	1921-29 гг. алфавит С. - Новгородова на основе латиницы; 1929 усовершенствованный общетюркский алфавит	1939

лочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» продолжающих действовать и сегодня). В начальный период их действия в вузах Средней Азии под «бронью» находилось до 70% студенческих мест для представителей «титальных национальностей»; до 20% - для представителей «национальных меньшинств» и только 10% - для так называемых «европейцев»¹⁸. В 1928-29 гг. бронированием Наркомпроса для национальных меньшинств охватывалось около тысячи мест в высших учебных заведениях страны¹⁹. В педагогических техникумах страны на этот же период больше 45% мест было занято студентами из числа «отсталых национальностей»²⁰.

Критика «перегибов» в кампании латинизации алфавитов со стороны ЦК в 1936 г. положила начало обратному процессу перевода алфавитов на русскую графику. Если латинизация символически обозначала разрыв с «шовинистической политикой царизма», то возвращение к кириллице было обосновано экономической необходимостью: «национальные кадры» должны были иметь возможность полноценно функционировать в рамках общенациональной экономики. Декрет СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей» был направлен на переход к двуязычному образованию, и, как показывают результаты анализа массовых статистических материалов, вовсе не означал возврата к политике русификации²¹. Через два года после опубликования декрета, в 1940 г., начальное образование на родных языках (1-4 классы) было обеспечено для всех нерусских народов, а исключением нескольких крайне малочисленных групп в Сибири. В то же время на следующей ступени (5-7 классы средней школы) в качестве языков обучения уже использовалось лишь 11 языков (остальные преподавались как предмет), а в старших классах – лишь только два языка, помимо русского²². Реальным поворотом к утрате двуязычия и постепенному переходу к обучению на русском стал закон об образовании 1959 г. с его положением о добровольном выборе языка обучения для детей их родителями, результатом чего стало массовое введение русского в качестве языка обучения. Статистика изменения численности обучающихся на языках меньшинств и числа соответствующих школ в этот период, однако, не подтверждает гипотезы о направленной политике русификации или централизации. По мнению создателей базы данных, проанализировавших весь информационный массив для проверки трех гипотез (русификации, равенства языков и влияния политического статуса соответствующих национально-административных образований), подтвержденной фактически оказалась лишь третья гипотеза, в соответствии с которой государственная языковая политика периода 1934-1980 гг. может быть лучше всего описана как политика направленная на

¹⁸ Правда Востока, № 232 от 7 октября 1932 г.

¹⁹ Диманштейн С. О практическом проведении национальной политики в области народного просвещения в СССР // Народное просвещение. 1929, № 5. С. 46.

²⁰ Там же, с. 45.

²¹ Anderson B.B., Silver B.D. Equality, Efficiency, and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934-1980 // The American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78, # 4. – pp. 1019-1039.

²² Bilinsky Y. Education of the Non-Russian Peoples in the USSR, 1917-67 // Slavic Review. 1968. Vol.27. – pp. 411-437.

двуязычие меньшинств. При этом региональные различия лучше всего объясняются влияниями численности группы носителей языка, степенью их географической компактности и различиями в административно-политическом статусе (республика, автономная область, округ, национальный район) ²³.

Выводы: новый институционализм и теории этничности. Приведенный выше очерк развития институтов и практик, производящих и поддерживающих этническую идентичность был призван охарактеризовать механизмы порождения и насаждения этничности, становящейся частью социальной реальности и образом мышления. Трудность осознания известного рода 'искусственности' этнической идентичности ('искусственности' не в смысле «изобретения»), но в смысле продукта человеческой деятельности, своеобразной 'произведенности') обусловлена, прежде всего, тем обстоятельством, что *созданные новыми институтами субъекты социальной деятельности уже с трудом мыслят самих себя в отрыве от этих институтов*, а сами социальные институты и практики рассматривают, скорее, как *неизменную природу*, нежели как *продукт* усилий нескольких предшествующих поколений.

Исторический очерк производства этничности был полемически нацелен, прежде всего, на критику именно такого пассивно-отражательного и реифицирующего взгляда на социальную реальность. Несмотря на то, что примордиализм сравнивался таким известным исследователем национализма как Роджерс Брубейкер с «насмёрть забитой лошадей, которую не нужно хлестать, поскольку она давно умерла» ²⁴, в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства. Дополнительным фактором устойчивости примордиализма остается национализм этнических элит и этнократических режимов в некоторых республиках. Несмотря на все эти обстоятельства, можно определенно утверждать, что примордиализм как концепция уже стала фактом истории науки, а не ее работающей и используемой моделью. Представленное выше описание совокупности институтов и практик как механизмов порождения и повседневного воспроизводства этничности (далеко не полное, поскольку в нем не были представлены такие современные и мощные ее механизмы как националистический дискурс в масс-медиа, институционально оформленное поведение государственных и силовых структур в отношении меньшинств и т.п.) позволяет утверждать, что альтернативная концепция с ее этносами-организмами попросту неверна и является лишь частью образного мышления идеологов национализма, хотя и обладает многими чертами научного дискурса. Для тех, кто согласится с критикой примордиалистских воззрений на этничность, очевидной становится и логика современной критики некоторых версий групповых прав и так называемых «прав народов», основанных на натуралистических трактовках этничности.

²³ *Ibid.*, pp. 1034-35.

²⁴ *Brubaker R.* Nationalism Reframed Nationhood and the National Question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – p. 15.

Научное издание

**Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 11
М., 2005**

Издательство «Наследие ММК»

Оригинал-макет: ГЛАВартель

Формат 60x88/16. Гарнитура Times New Roman

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ППП Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ № 2456

0, 211. (вернуться)